

Он знал, что на сердце у Гу Шаобая тяжело, и он напился намеренно. А Цзи Цзяньчэнь не стал его отговаривать, позволив уйти в забвение. Возможно, только во сне он мог чувствовать себя хоть немного свободнее: не нужно было натягивать улыбку, можно было свободно страдать, плакать и тосковать!

Цзи Цзяньчэнь смотрел на это спокойное лицо во сне, и на мгновение его охватило ощущение, что он уже очень давно не видел его искренней улыбки.

Без того человека его юность в зеленых одеждах превратилась в увядание и туманную неопределенность; без того человека его радость и смех стали слезами, унесенными восточным ветром; без того человека, сколько бы ни было впереди прекрасных дней и пейзажей, все обратилось в звуки разбитого сердца!

Глядя на то, как одежда Гу Шаобая становится все шире и просторнее, он почти слышал, как это сердце день за днем вянет и осыпается!

Время текло, в мгновение ока наступила весенняя теплота и зацвели цветы.

В человеческом мире апрель — время увядания ароматов, но в «Башне Черных Одежд» персиковые деревья только начали цвести.

Полгода пролетели стремительно, многие дела улеглись на свои места.

В этот сезон, когда горы усеяны цветами, несколько хороших вестей пришли вместе с весенним ветром.

Вся семья Ван Сыдао понесла наказание, а он сам в дождливый день марта лишился головы; Мо Жань сыграл свадьбу, взяв в жены ту самую Лю Мэйшэн, о которой так мечтал; а то, что больше всего обрадовало Гу Шаобая — старший брат Гу Цинбай и княжна Иньянь назначили срок свадьбы, он выпадал на золотую осень октября.

Гу Шаобай сидел в цветочном зале, нащупывая чайную чашку. В последнее время глаза явно стали улавливать тусклый свет, уже не было сплошной тьмы. Сыту Хай сказал, что это предвестник возвращения зрения.

Кто-то подошел, взял его за руку и налил чай.

Гу Шаобай улыбнулся:

— Цзяньчэнь, я сам могу.

Цзи Цзяньчэнь отпустил его руку, заметив краснеющие шрамы на пальцах, и ему стало больно.

— Ты можешь, но девять раз из десяти ты льешь на себя, — он криво усмехнулся, очень горько и безнадежно. — И это называется «могу»...

Бледные кончики пальцев Гу Шаобая гладили край чашки. Улыбка на губах была очень мягкой, но словно резала сердце Цзи Цзяньчэня.

— Многому приходится привыкать, не так ли?

Перед слепым Гу Шаобаем Цзи Цзяньчэню не нужно было специально скрывать душевную боль. Ты привыкаешь не к темноте, а к нестерпимой, врезающейся в память боли от потери Му Цинфэна, так? Так уж давно ты привыкаешь? Ожоги заживут, а рана на сердце? Заживет ли?

Сколько нужно времени, чтобы она срослась? Вся жизнь? Или вечность?

Гу Шаобай безумно «смотрел» в окно, туда, где был свет.

Верхняя часть тела чуть подалась вперед, в позе ожидания. Казалось, в следующее мгновение он увидит человека, идущего против света, который затем... улыбнется ему теплой улыбкой.

Только он и сам знал, что тот не придет!

Переулок Лючжи.

Горы книг почти полностью завалили пол. Му Люнянь, весь в поту, разбирал их.

Фан Цинчи стоял на единственном оставшемся свободном куске пола, горько улыбаясь.

— Люнянь, выбери только самое необходимое и бери с собой...

Му Люнянь сидел среди книг, тоже с выражением безысходности на лице.

— Но мне все их жалко...

Фан Цинчи прыгнул, оказавшись перед ним, схватил и прижал к себе.

— Возьми меня, а остальное можно купить снова.

Му Люнянь слегка покачал головой, скорчив страдающее лицо.

— Кроме меня, кто тебя возьмет? Поэтому я лучше возьму что-нибудь ценное. Тут много уникальных книг... Ой... Ты что, собака?

Он потер нижнюю губу, которую чуть не до крови искусал, и пришел в ярость.

Фан Цинчи громко рассмеялся.

— Ха... А кто велел говорить, что я ничего не стою...

Му Люнянь изо всех сил толкал его, негодуя.

— Я разве говорил такое...

Он пошатнулся, споткнулся о книги и упал. В момент падения в кучу книг Фан Цинчи обнял его, и они вместе покатались в книжную гору.

В старой бумажной куче спустя короткое время послышались приглушенные стоны Му Люняня и звук шуршащей одежды...

Прошло очень много времени, Му Люнянь издал крик.

— Фан Цинчи, ты это специально? Я только что убрал...

Фан Цинчи невинно посмотрел на него, но в душе смеялся. Конечно, специально.

Когда облака рассеялись и дождь прекратился, они лежали в обнимку в старой куче книг, чувствуя особый вкус.

— Цинчи...

— М?

— Почему ты не спрашиваешь меня, почему я так долго не упоминал о визите к Шаобаю?

Фан Цинчи прижал его ближе, коснулся носом его щеки.

— Я не спрашиваю, потому что знаю... Шаобай всегда был перед тобой солнечным и веселым. Ты боишься увидеть его в другом крайнем состоянии, ты не выдержишь...

— Это лишь одна из причин. Есть еще... — Му Люнянь отвернул голову в сторону. — Я чувствую вину перед ним... Без него я, наверное, уже умер бы дороною ссылкой. Без него я бы не познакомился с тобой. Можно сказать, все мое имущество и все, что у меня есть, он мне дал...

— Цинчи, — Му Люнянь устремил на него взгляд, полный никогда прежде не виданной искренности. — Найди Му Цинфэна. Считаю это моей благодарностью за милость Шаобая, последней силой, которую я могу приложить для него...

Слезы скатились из уголков глаз, Му Люнянь заплакал.

Фан Цинчи вытер ему слезы. В эти дни он тоже был из-за этого дела встревожен и подавлен.

Когда тогда Гу Шаобай ушел, он знал, что умрет. Но теперь он еще жив. Он не позволил никому сообщать Му Цинфэну ни единой крупички информации о себе, жив он или мертв. Он решил быть предателем чувств, чтобы оборвать мысли Му Цинфэна.

Любовь, защищаемая ценой жизни, — это гордость Гу Шаобая!

Но эта гордость, если она строится на сердечной пыли Му Цинфэна, раздробленной в порошок, обязательно ли правильна?

Фан Цинчи так не думал. Возможно, Гу Шаобай не был человеком из цзянху, поэтому не мог жить так вольно и легко, как Фан Цинчи и Цзи Цзяньчэнь, любить шумно и ненавидеть яростно. У него слишком много мыслей и слишком много опасений. То, что он хочет дать, — это ли то, что хочет Му Цинфэн? Никто не имеет права решать за другого.

Если оба ранены, почему не рискнуть жизнью в одной битве?

Цветы груши подобны снегу, лепестки летят один за другим.

Летающий снег лепестков очень похож на тот год.

*

Жаль юношу в зеленой одежде, пьяного в проходящем дыму.

Тот год, тот месяц, процветание как сон, кто играл на цине, улыбался у губ.

*

Му Цинфэн сидел, прислонившись к груше, с кувшином вина и цинем, словно видя те глаза, что чище глазури, с блеском, словно говорящим тысячи слов.

Вскоре после выздоровления Лин Минь ушел. Он взял в ученики сына Яцзя, назвал его Му Минь и увез их с матерью в Наньцзян.

Когда Лин Минь ушел, только что прошел Новый год, снег и лед еще не растаяли. Му Цинфэн уговаривал его отправиться, когда потеплеет.

Лин Минь же сказал, что Му Минь сообразителен, если его хорошо учить, он наверняка догонит старшего брата. Его времени, вероятно, осталось немного, так что в любом случае нужно воспитать великого шамана, превосходящего его, иначе при следующей встрече старший брат обязательно будет его отчитывать бесконечно!

Му Цинфэн провожал его очень далеко за город, упрямо не останавливаясь. Лин Минь спросил с улыбкой, не хочет ли он провести их обратно в Наньцзян.

Затем спросил:

— Почему ты не продолжаешь искать Гу Шаобая? Никто не боится смерти. Если ты все еще любишь его, почему не попробуешь еще раз?

Му Цинфэн смотрел на красное как кровь солнце, поднимающееся с горизонта, и чувствовал, как та рана в сердце, словно застывшая кровь, снова треснула, больно до невозможности дышать.

Лин Минь прозревал людей и себя насквозь, никогда не оставляя лазейки. Его слова были как лезвие ножа, перед уходом он все равно хотел срезать его.

— На самом деле, ты не хочешь искать его, потому что заставляешь себя поверить, что он... еще жив...

Лин Минь смотрел, как лицо Му Цинфэна сантиметр за сантиметром покрывалось серостью, становилось все более бледным, но тот все еще не останавливался, настаивая на боли, проникающей в кости, чтобы он очнулся.

— На самом деле, ты потом тоже понял, что Гу Шаобай не тот человек, который ради противоядия готов отказаться от тебя. Его упрямство не позволит ему сделать это. Его уход лишь потому, что он хотел использовать смерть, чтобы защищать вашу любовь, но не хотел, чтобы ты знал, что его уже нет...

Губы Му Цинфэна сжимались все крепче, в глазах появилась мольба, он умолял его не говорить дальше.

Лин Минь покачал головой.

— Его цель достигнута. Ты все время обманываешь себя, что он жив, просто предал тебя. Поэтому ты не идешь к императору за подтверждением, все по своему воображению играешь человека, потерпевшего неудачу в чувствах, живешь как ходячий труп... Проснись, князь. Возможно, Шаобай... его действительно нет...

— Жив он или мертв, он надеется, что ты будешь хорошо жить. Это, вероятно, его единственное желание. Поэтому тебе стоит хорошо подумать о том, как провести оставшиеся дни. Будь то на службе при дворе или в уединении в поместье, какой бы выбор ты ни сделал, пожалуйста, не живи так — полуживым...

<http://bllate.org/book/16730/1539038>